

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ТАЙНА РАССТРЕПЯННОГО ГЕНЕРАЛА

АЛЕКСАНДР РЖЕШЕВСКИЙ

В сводках не сообщалось...

Александр Ржешевский

Тайна расстрелянного генерала

«ВЕЧЕ»

Ржешевский А. А.

Тайна расстрелянного генерала / А. А. Ржешевский — «ВЕЧЕ»,
— (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8119-2

Генерал армии, Герой Советского Союза Дмитрий Григорьевич Павлов – одна из наиболее трагических фигур начала Великой Отечественной войны. Будучи начальником Особого Западного военного округа, он принял первый, наиболее страшный и жестокий удар немецко-фашистских войск на их главном направлении. Да, вверенные ему подразделения потерпели поражение, но сделали все от них зависящее и задержали продвижение врага на несколько недель, дав возможность Генеральному штабу перегруппировать силы и подготовиться к обороне. Генерал Павлов был расстрелян 22 июля 1941 года по приговору Военного трибунала. Но каковы же истинные причины суровой расправы над талантливым полководцем?..

ISBN 978-5-4484-8119-2

© Ржешевский А. А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	22
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Ржешевский

Тайна расстрелянного генерала

Текст печатается по изданию:

Ржешевский А.А. Павлов. Тайна расстрелянного генерала.

М.: Вече, 2005.

Глава 1

– А тебя никто не спрашивает, – сказала старуха бульдогу, который шел покорно на поводке. Пес принаравливался к маленьким старушечьим шагам и переступал, как хозяйка, – мелко, неторопливо, бочком, потому что с трудом сдерживал бьющую через край энергию и мощь.

Ветер бросил им навстречу белую метельную занавесь.

– Холодно, а ты все просишься гулять, – продолжала старуха ворчливо. – Гулять бы ему, да гулять... Смотри какой снег!

Бульдог понурил голову, будто и в самом деле почувствовал себя виноватым. Выпучив глаза, печально поглядел вверх на хозяйку.

Метель бушевала с утра, будто вернулся февраль. К полудню успокоилось, только изредка сорванные с деревьев белые шапки рассыпались прозрачной кисеей. Наконец где-то вверху, в небе, отодвинулось облако, и брызнуло солнце.

Словно почуяв свою правоту, бульдог дернул за веревочку и поволок старуху к речке, на мост, под которым бурлила вода. На потрепанном настиле не хватало досок, разметанных колесами грузовиков и танкеток, проходивших здесь целыми вереницами во время зимних учений. И теперь сверху сквозь щели видно было, как вода крутилась вокруг деревянных свай, а подплывавшие льдины вгрызались, разламывались от ударов и плыли дальше. Видно, пришло время, и, несмотря на холода, половодье набирало силу.

Старуха хотела было идти через мост, но замешкалась и резко натянула поводок. Пес оглянулся. Он не посмел подумать, что мудрейшая его хозяйка в чем-либо не права, и терпеливо ждал разъяснений.

– Туда опасно, – с запозданием пояснила старуха. – Можно провалиться. Поглядим, как они проедут.

Сверху по дороге прямо к мосту, вырастая с каждой секундой, скатилась новенькая танкетка и остановилась по другую сторону реки. Аккуратные колесики прилажены надежно и не цепляются друг за дружку даже на самом быстром ходу. Грозной пустотой зияла тоненькая пушечка. Во всех линиях – лад и продуманность, словно бы лучше и смастерить нельзя, не то что рохля трактор, всю зиму ржавевший на краю поселка. Нет! Люди всегда для истребления и войны думали быстрее и ловчее, чем обо всем остальном.

Танкетка еще приблизилась, от ее броневых плит, выкрашенных зеленой краской, веяло какой-то праздничной несокрушимой мощью. Но старуха не радовалась. Мир, который она создавала всю свою жизнь, крепчал и наливался силой. И в то же время оставался чужим, больше того – враждебным, изничтожающим все, что связано было с ее делами и памятью.

Тяжесть крашеного броневых листов, как и всякое другое проявление государственного могущества, вызывало у старухи острое ревнивое чувство: если бы она руководила страной или дружка, такие как она, броня была бы крепка не хуже, а даже лучше.

Но все связанное с нею, с друзьями, сломлено, разметано, и странно, что уцелело в душе после стольких тюрем. Но даже если бы этих горьких лет было вдвое больше, она бы не отказалась от своей судьбы. Жизнь ее была заполнена любовью по самую высокую отметку – выше не бывает, – хотя за всю жизнь ей выпало любви меньше трех лет.

Она сама не ожидала, что ее выпустят из тюрьмы и даже разрешат поселиться у двоюродной тетки. Больше от семьи никого не осталось. Странно, что посреди всех бурь в ней по-прежнему крепло чувство, что будь отец жив, он бы защитил ее ото всех невзгод. Умом она понимала: ничего не мог сделать слабый больной старик. А чувство жило. И видела она, как в стылый мартовский день возле дома кабатчиков Мызниковых отец повязывает алую ленту

на броневик. И все кричат от восторга, и он кричит. Слава богу, не дожил до октября. А если бы дожил, увидел бы, что она увидела?

В том, что ее выпустили в канун семнадцатой годовщины, заключался какой-то дьявольский смысл. Милосердию «их» она не верила. А после декабрьских событий в Ленинграде каждую ночь ждала нового ареста.

Старуха не заметила, как танкетку плотным кольцом окружили сбежавшиеся ребяташки. Дождались – с лязгом откинулся люк, из него выбрались два танкиста в комбинезонах и шлемах. Что они говорили, прикуривая друг у друга, и чему смеялись, старуха не уразумела. Но когда двинулись навстречу, прилепив взгляды к ее лицу, поняла, что за ней. Обычно ночью тихо подползала «черная Маруся». Теперь решили на танке.

Она не удивилась. Только натянула собачий поводок и внутри застывшего скрюченного тела забило, залихорадило. В глазах, вместо одного солнца, вспыхнули сразу тысячи, и столько же минувших дней и ночей в один миг промчались перед ней.

Воспоминания были самой крепкой опорой. То, что отцу казалось катастрофой, для нее было огромным всеохватным счастьем. Ну и что теперь, когда его нет? Разве она не права? Конечно, как не удивляться, не охать окружающим, если она, дочь известного ювелира, владельца богатых особняков, сбежала по горячей любви с бездомным учителем словесности, который по характеру своему и по внешности должен был не азбуку разбирать с малышами в приходской школе, а странствовать по рыцарским турнирам на коне и со щитом.

«Эх, Мария! – говорил он, сжимая ручищами ее плечи. – То ли еще будет! Хочу бросить все и землю поглядеть. Махнем на край света! Со мной не пропадешь». Ей-то, молоденькой, и тяжело и боязно, а голова сама склоняется в согласии и восторге. Губы шепчут: «Да! Согласна! Пусть... на край...»

Старуха подобралась мысленно, выпрямилась бесстрашно и бросила на подходивших танкистов колющий взгляд. Она повидала гопэушников в разном облики и беспечным видом подходивших военных не могла обмануться.

Но те неожиданно остановились, поговорили о чем-то без улыбок и воротились назад. В старухиных глазах вдруг прояснилось, и она узнала одного из военных, коренастого, с обветренным, точно вырубленным грубым лицом и мохнатыми бровями. Уроженец бедной костромской деревни, он выбился в большие командиры, и приезд его стал событием для областного начальства. Фамилия проста, как воробьиное чириканье. Несмотря на вольнодумство, она с девической поры внутренне отгораживалась от простого люда. Иванов или Петров? Ах, да! Павлов!

Ревностно оспаривая решения новой власти, она, тем не менее, шестым чувством одобрила этот выбор. Не потому, что коренастый танкист показался ей чем-то симпатичен. Главным было предчувствие. Мысленно она продолжала руководить, действовала. Необходимую информацию ухитрялась получать отовсюду, даже в тюрьме.

Коренастый танкист уже наверняка не вспоминал свое босоное детство и пастушечий кнут. Пробежал за несколько лет путь, назначенный многим поколениям. В этом его сила, но в этом же страшный провал. Сейчас от его фигуры веяло властью. Но редко кто из таких скорохватах умеет править по совести, по уму. Оттого и нет ума, что ставят друг дружку не по уму, а по иным качествам. Сладостная ноша власти для многих оказалась непосильной. Но уж верно, по своей воле никто ее не бросил.

В коренастом танкисте чудилась надежность. Можно было заранее представить судьбу: такой не предаст. И не промахнется. Рассчитает все с выгодой для Отечества. Не только для себя... В Гражданской участвовал. Но в расправах не замечен. Не то, что Васильев... Кстати, тот высокий с ним – не Васильев?

Мозг пронзила молния. В памяти, наоборот, стусилась тьма. Не понять! По росту вроде бы похож. Стольких богатырей согнуло и пожгло, что каждый на примете. А Васильев был осо-

бенный. Светловолосый статный красавец так и остался ненавистен для нее и самых близких людей. Правда, этот, рядом с Павловым, в шлеме. Но не так? Не так пригож... Может, глаза подводят? Сколько, поди, годов пролетело! И каждый за три. А то и за пять...

Неужели он?

Хлопнул железный люк. Настала тишина, взломанная затем ревом мотора, дрожанием земли. Чья-то красная шапочка заметалась перед броней. И вихрастый паренек – из будущих храбрецов – вытянул девчушку на обочину. Неторопливо переваливаясь, танкетка вползла на мост, осторожно ощупывая гусеницами каждый гвоздь и зависая над провалами. От середины полета рванула вперед, выдрав еще несколько досок. И – залопотала гусеницами вдоль дороги. Минуты не прошло – исчезла за поворотом. Окружающий воздух вновь очистился от копоти и страха.

Старуха решила возвращаться и опять резко натянула поводок. Пес оглянулся, точно мог сказать: «Зачем останавливаться? Все правильно. Вот он свесился над перилами. Сейчас можно подойти».

И тотчас, будто согласившись, старуха заковыляла к реке.

После отъезда танкистов веселая гурьба мальчишек закипела на мосту. Потом рассыпалась по берегу. Река разливалась все шире, вода поднималась, и мальчишеским восторгам не было предела. Это очень хорошо понятно было даже охлажденной старушечьей душе.

Один из мальчиков пронзительно напоминал старухе сына. Встречая его, она всякий раз вздрагивала. Тот, погибший, и этот, живой, смотрели на нее одинаковыми глазами. Даже имена совпадали.

Подросток был слабосильный, головастый, нерешительный. Ей виделся затаенный взгляд с печалью, точно мальчишку побили перед этим, хотя он прыгал и хохотал наряду со всеми. Вдруг опомнился от крика:

– Эй, Серый, пойдем стыкнемся! Уговор, до крови, а не до слез. Понял?

Кто-то напрашивался на драку. Старуха в этом понимала и вознамерилась помешать драчунам. Пес двинулся вместе с нею по мосту, мелко перебирая ногами. Глянув на подростка, старуха еще раз поразились его сходству с ее сыном Костиком, который помер, когда она была в Зайсанской тюрьме. А может, убили...

В российской истории густо рассыпаны такие дела, не счесть. Помнили только царей. А с обыкновенным человеком никогда в России не считались. Может, потому и судьба у нее такая?

Кто-то бы удивился: откуда сходство? Этот Костик еще не родился, когда сыночек помер. И было-то ему, голубку, чуть больше пяти лет. Но когда старуха глядела на подростка, ей виделись те же глаза, глубоко спрятанные под бровями, что навек впечатались в ее душу; тот же выпуклый, зауженный кверху лоб... Она сама не понимала, откуда и почему, – но с разрывом в сотни верст и десятки лет – у этого подростка, встреченного случайно, лицо и голова были, как у Костики.

Облокотившись на деревянные перила и угрюмо посверкивая глазом, подросток смотрел на приближавшуюся странную пару. Он давно знал старуху и не любил за назойливость, за тонкую прозрачную кожу на лице, за безжизненные, ничего не выражавшие кроме строгости глаза. Встречаясь, он никогда не здоровался, норовил пробежать. И тем более удивительно было то, что старуха всегда узнавала его.

– Вот! – сказала она бульдогу. – Видишь? Стоит наш дружок. Подойди и поприветствуй его. А я пока отдохну.

Бульдог послушно подошел и обнюхал забрызганные грязью штаны. Подросток улыбнулся, не разжимая губ и содрогаясь от брезгливости к псу и мощи, которая клекотала под гладкой львиной шкурой.

– Спроси, почему он не в школе? – проскрипела старуха.

Пес бросил из пасти шматок слюны и нетерпеливо переступил передними лапами.

– Нас отпустили, – отозвался Костик, прижимаясь к сухим теплым перилам моста. – Из-за разлива.

Он ненавидел и в то же время побаивался старуху, а может быть, бульдога, странным образом понимавшего человеческую речь.

Неожиданно быстро и проворно старуха протянула руку и коснулась его лица сухими пальцами. С полыхнувшими от стыда глазами Костик вжался спиной в деревянные перила.

Отступать было некуда. Он помотал головой.

– Не убежишь, – сказала старуха со счастливым смехом и опять сухой ладошкой погладила его по щеке.

– Убегу, – пряча лицо под распахнутый ворот куртки, упрямо проговорил он.

Едва бульдог отступил, Костик бросился в открывшееся пространство. Сбежав с моста, перешел на шаг. И скоро река опять поглотила его внимание. С часу на час должен был тронуться лед. В прошлый год мостовые опоры выдержали, зато на Стрелке вода повалила электрические столбы, и случился пожар. А в этот раз напора льда опоры могут и не выдержать. Неужто из-за школы пропускать такое зрелище? Костик очень любил пожары и разрушения. Но от старухино бульдога надо было уходить, и он перешел на дальний край мальчишеской ватаги, растянувшейся по берегу.

Старуха с трепетным чувством проследила за исчезающим подростком, его странной подсакивающей походкой, точно он с малых лет ходил в тяжелых башмаках. И эта несуразность наполняла ее еще большей нежностью. Вот среди плакучих деревьев мелькнула его фигурка и пропала, оставив память в душе и ощущение свежей холодной щеки, которую она все еще чувствовала пальцами. Такой смелости она раньше себе не позволяла.

От солнечного света облака куда-то испарились. Небесная синева раскинулась на всю видимую ширину. Ручей, пробивавшийся вдоль дороги, побежал веселее. Но его не стало слышно в шуме поднявшейся реки. Половодье набирало силу. Вода начала затапливать низкие луговины, а в теснину под мостом врывалась с угрожающим шумом. И совсем немного оставалось ей до самого верха.

Но внешние звуки мало действовали на старуху. Она вновь увидела себя молоденькой и дрожащей, убегающей из дому в такое же время. Ей виделся Андрей, ожидавший за углом дома кабатчиков Мызниковых. Он уже сидел в извозчицкой пролетке и в своей черной поддевке показался ей неправдоподобно огромным. Цыганские брови черным пушистым шнуром перечертили лоб. Горящие глаза добирались до самого нутра. Нетерпеливо поглядывая, он первым ее, бежавшую, увидал. Подхватил раздетую, продрогшую, закутал в распахнутую медвежью полость, согрел. Ей до сих пор чудился густой и сочный, как у певца, голос:

– Но, пошел!

Петь он не любил, этого пустяшного занятия не признавал. В нем кипела энергия повелителя. А по рождению и возможностям жизнь сулила тихое бытие, стиснула огромные крылья деревянными бревнами приходской школы. Разве мог он в таком положении долго терпеть? Выход его энергии дали тайные общества, блуждания по стране. В этих блужданиях он таскал Марию с собой, и она вместе с ним терпела лишения, голод и холод, полагая по молодости и несмышленности, что другого счастья не надобно. С Андреем было тепло в стылой избе, сытно в голодуху. Не характер был у человека – динамит.

Странно, что кипучей его энергии не хватало даже для одного мелкого хозяйственного дела. Однажды полгода чинил табуретку и в конце концов ее пришлось сжечь. От рождения или воспитания, но вышло так, что руки его, могучие, красивые, словно скульптором вылепленные, не были приспособлены для работы. Если он брался прибивать доску, гвоздь непременно шел криво. Пробовал пахать – выходила чересполосица. С ним кони быстро выбивались из сил. Мог подковы гнуть руками, но за год работы у козыревского кузнеца так и не слепил ни одной. Все получалось косо, несоразмерно. Что же! Одному в дар – молот, фуганок или

соху. А у Андрея другая отмычка к жизни – забористая речь. Ну что, если не испытывал он интереса к муравьиным кропотливым делам? Мария сознавала, что без этого мелкого копания не было бы на земле ни машин, ни домов. Так ведь каждому свое. Андрею судьба судила иное: выметнуться впереди толпы, кинуть огневое слово, чтобы глухо заволновалось и забормотало черное месиво недовольных, сдавленных уличными стенами людей, чтобы хлынули они, куда махнул его указующий перст, – такая жизнь была по нему!

И Мария вместе с ним втягивалась постепенно в такую жизнь.

Один миг власти над толпой давал им столько необычайного забвения, забрасывал в такие заоблачные высоты, куда бы их не донесли деньги, миллионы, заработанные заурядным, допотопным и добропорядочным способом.

Бедный добрый отец, поняв в конце концов безнадежность дочкиной судьбы, предлагал Андрею скорняжную мастерскую, из которой со временем можно было сделать фабричку. Но Андрей лишь презрительно рассмеялся и обнял Марию.

– Тебе что? Хочется вечно жить в этом пыльном сарае? – спросил он.

Мария глядела на него влюбленными глазами и ничего не отвечала, потому что слова могли погасить энтузиазм Андрея и просветленность его богатырского облика. Густые брови, словно скрученные из проволоки, длинные прокуренные ресницы, ясный синий взгляд, да разве можно было ему перечить, губить окрыленность?

Внутренне Мария сознавала, что он по складу натуры никогда бы не удержал в руках какого-то конкретного ремесла. Только стихия полета его увлекала. Неужто, имея тонкую душу и неумный взрывной характер, он должен был в самом деле шить тулупы из шкур?

Он погиб как вождь – и был по природе вождем.

Когда в Ростове вольнонаемные начали громить магазины, Андрей оказался во главе.

Поначалу Мария шла рядом, понимая, что может быть нужна. Но Андрей уже не видел ее и парил. Ничто не занимало его вокруг, кроме цели, ничто не могло удержать – ни жена, ни мать. Да он и не помнил ни о ком. Вдохновленный и радостный, он будто спускался на землю с иной планеты. Земные законы для него не действовали. И Мария отчетливо понимала его состояние.

Никогда она не видела его таким красивым, как в тот миг, когда урядник выстрелил. Андрей не сразу рухнул, а медленно повалился, огромный, величественный. И вся толпа – мелочь, босяки, не стойившие одного его великаньего вздоха, – в ужасе расступилась и дала ему упасть.

Он приучил ее не бояться толпы, и она первая опомнилась. Урядники оттеснили, но она стала пробиваться к нему до самого последнего мига, до беспамятства, которое на нее вдруг навалилось.

Наверное, Андрей обречен был погибнуть посреди бурлящей взрывной энергии масс, которые подпитывали необычайные силы своего вожака, но после гибели тотчас забыли о нем.

Но она отомстила. Урядника того спрятали, перевели в другое место. Однако Мария отыскала главного виноватого, который посылал каждый раз десятки таких урядников. Проходя среди бела дня вблизи градоначальника, выстрелила в упор.

«Он жив? Он жив?» – плача спрашивала она, пытаясь увидеть сквозь спутанные волосы то место, где стоял градоначальник. И этот промах казался ей большим несчастьем, чем своя загубленная жизнь.

Она очнулась немного после встречи с отцом. Неузнаваемо постаревший, он глядел на нее слезящимися глазами и не мог понять, отчего она, воспитанная на «Красной Шапочке», взяла своими тонкими пальцами пистолет и выстрелила в совершенно невиновного человека? Больше того – в законную власть?!

Мария не плакала, не жалобилась. Уже давно она относилась к старому отцу с двойственным чувством: жалела, то есть, казалось, любила его. И в то же время отчетливо видела, Андрей

внушил ей эту мысль, что отец при всем своем богатстве ничего не понимает в происходящем и ни в чем не разбирается.

Все отцовские алмазы оказались бессильны. Случай ее стал известен в Петербурге, и полиция вцепилась в Марию накрепко.

Каторжные законы в России всегда были страшны, а их толкование беспредельным. Пока длилось следствие, тюремщики по очереди входили в камеру Марии. Измывались по-всякому, а беременность не нарушили, и сына Костеньку она выносила.

– И чем же тебе царь-батюшка мешал выкармливать дитя? – жалостливо спросила сиделка в тюремной больнице.

Февральское отречение открыло перед ней двери темницы. Ее ждали, и она, явившись с новым знанием, взялась выполнять «мужнины заветы».

Победное дело Андрея, его одержимость захватили Марию целиком. Однажды ей пришлось встретить свою знаменитую тезку Спиридонову. Случилось это как раз накануне роковых июльских событий. Потом она ни от кого не могла узнать, как было на самом деле. Но по своей жизни, по тому, как ее неожиданно и беспощадно схватили и потом судили неизвестно за что, отбивая почки на дознании, она поняла, что попала в сердцевину схватки за власть, и кто тут виноватее, – эсеры или большевики, – знают единицы, а может быть, и тех уже нет.

Мир, который она создавала всею своею жизнью, крепчал и наливался силою. А ей суждены были ржавые тюремные решетки. Через царские каторги она прошла бы и дальше, не дрогнув. А собственная каторга, которую она устроила своими руками, надломила. Собственная каторга оказалась страшнее царской.

Костенька помер, когда она сидела в Зайсанской тюрьме уже при большевиках. Потом ее ненадолго освободили. Будто подбросили, как мышь, не выпуская из шкуры коготки. Затем упрятали вновь. И теперь, похоже, старая история скоро повторится. Она это чуяла.

Ладно, ее жизнь погублена. А у этих нищих оборвышей, что шумят на мосту? Тоже, небось, пойдут под топор, согласно российскому обычаю... Погибнут... многие из них. Как погибло, выбито ее поколение. Крепкое, чистое. Кто бы раньше это мог вообразить? В начале века, например... Да при нашествии монголов гораздо больше русских уцелело, хотя там резали и жгли без разбору, безо всяких высоких слов о свободе и справедливости.

Глава 2

Неожиданная ласковость старухи смутила долговязого подростка. К другим ребятам кикимора была равнодушна, а ему не давала проходу. Серый подумал, что если она опять встретится на пути, он прибьет ее камнем. И все же, когда странная парочка исчезла за деревьями, ему сделалось грустно.

Мать никогда не гладила по лицу. Только ругала. И прикосновение сухой и легкой старухиной ладони вызвало у него непривычные ощущения. Он как будто перестал бояться матери и решил не пилить вечером дрова, а пойти на гулянку, за бугор, где по субботам играла гармошка. А мать пусть потом лает. Вдали от дома он меньше опасался материнских затрещин, нутром чувствовал, что мать становится стара и немощна. С тех пор как отца зарезало поездом, она год от года слабела. Зато ругань ее становилась все более пронзительной и липучей. Начав кого-нибудь ругать, она долго не могла остановиться. Ни про кого из соседей доброго слова не вымолвила и сына к тому же приучала. «Все они прохвосты, жулики, проходимцы. Чужой беде рады. А чтобы помочь – никогда!»

Похоже, у нее был один свет в окошке – погибший муж, даже не сын, и она каждую свободную минуту шла на кладбище, к железной дороге. Там, возле избушки путевого обходчика, отца и нашли. Хотели уголовное дело заводить. Прошел слух, будто убили его. Мать до сих пор уверена, что не сам он погиб, подстроили это, и пострадал он будто бы за совесть и честь. Только время шло, а дело никак не складывалось. Потом и вовсе заглохло. И осталась в доме на стене фотография незнакомого бородача в болотных сапогах, с ружьем. На памяти сына отец бороду не носил. От этого возникало в нем чувство отчужденности, отверженности. Да и сам он никогда не чувствовал себя частицей отца, удался в мать – блеклыми бесцветными глазами, редким прямым волосом и круглым, будто скалкой раскатанным лицом. Кличка Серый прочно закрепилась за ним, и он отзывался на нее охотнее, чем на имя.

Начало припекать. На северном берегу реки еще лежал снег, а на солнечном его не осталось, кое-где начала пробиваться трава.

Река зашумела сильнее.

Костик вдруг подумал, как незаметно прошла зима. Наверное, самая долгая из последних зим. Они с матерью часто голодали, Костик иногда лежал на скамье, мечтая о куске хлеба. Но это почему-то не осталось в голове. Зато стылые утренние потемки в школе вспоминались ясно и празднично.

Ворваться бы сейчас в ту раннюю темь, когда на высветленную снегом землю пробивается зеленоватый рассвет. В школе никого нет, сгорбленная нянечка в сером платке не в счет. Зато печь ею давно затоплена и уже дает жар. Потрескивают дрова за чугунной заслонкой. Рядом, на прибитой к полу железке лежит аккуратная охапка осиновых, вперемешку с березой, дров. Верхние поленья мокрые от растаявшего снега, а нижние еще хранят стылый дух морозной зимней ночи.

В такие минуты короткого радостного одиночества хотелось прижаться к печке, согреть заледеневшие ладони и ждать чуда. И оно, вернее «она», непременно являлась. Сперва это была Галя Широкина с огромными глазами и длинной косой. Потом ему улыбнулась и приковала внимание Ксюша Лапина по кличке Пони, самая маленькая в классе. И все в один год. А когда Зина Клепа выручила в общей свалке, спасла от клешнятых рук Витьки Лыкова, сердце Костики начало таять от одного ее вида.

Была Клепа высоченная, длиннорукая. Но тянуло к ней, как магнитом. Жила она не в общем поселке, а в сторожке путевого обходчика, возле которой нашли Костикина отца. Один раз даже Костик проводил ее, так нечаянно получилось. Он боялся, что ребята узнают, но Клепа не проболталась.

Мимо проносились поезда, одни в Москву, другие из Москвы. А где эта Москва, обоим было неведомо. Конечно, в мыслях своих Костик хорошо представлял Москву – сплошная Красная площадь, а на ней танки под красным знаменем, Ворошилов и Сталин. Такая картина висела в школе на видном месте. Чтобы каждый, кто не был в столице, мог ее представить. Ворошилов на картинке нравился больше, чем Сталин, потому что у него ордена были надеты поверх шинели. На танках – флаги и звезды. Наверное, в Москве попадались и обыкновенные люди, но это было не главное.

Повернув голову, Костик глянул поверх дороги, где виднелся поселок – бесформенная груда бараков, ни улицы, ни тупика – «Горелая Роща». В середине темных строений поднималась двумя этажами крашенная суриком деревянная школа. Когда-то хотели из «Горелой Рощи» сделать большой город-завод. Только строительство, которое тут намечалось, перенесли куда-то в другое место. Люди постепенно разбежались. Некоторые бараки опустели. Поселку дали название «Октябрьский». Но жители между собой называли его по старому – «Горелая Роща».

В последнее время рядом стали быстро строить военный городок, и учеников в школе сразу прибавилось. За столами сидели по трое. Кроме Костика и Клепы возник еще горбунчик Петя. Но скоро в класс внесли еще несколько столов и Петю отсадили.

Клепа чувствовала себя хозяйкой и таскала у Костика без спросу новые тетрадки, резинки, учебники. Костик притерпелся. Но когда она сломала его большой двухцветный карандаш, которому завидовал весь класс, Костик, наверное, посинел, а может, позеленел от злости, так его заколодило. Не помня себя от горя, он обалдело поглядел на Клепу. Зинка ничего не поняла и даже хихикнула. Тогда его затрясло, как в лихорадке. Вырвалось слово, которое до этого вовсе не сидело в голове. И он завопил изо всех сил:

– Каланча!

После этого дружба, конечно, сразу закатилась и вскоре перешла во вражду. Дошло до драки. И весь класс видел, как Зинка, безо всяких правил, била его галошей по голове. А Костик так и не сумел пролезть сквозь ее длинные руки.

Не будь той ссоры, не пришла бы неслыханная удача, которая целый месяц занимала мысли Костика. У него началась жизнь, какой не было ни у кого другого. В классе появилась новенькая. Костик помнил, что красавицей она оказалась потом. А сперва села рядом, невзрачная, как все новички. Прямая спинка, желтые косички цвета спелой соломы. А глаза черные, такие же бровки, будто накрашенные. Привел новенькую отец, военный. Мальчишки благоговели перед военными. Учителя тоже. Уж как они рассыпались в похвалах! Будто не тоненькая маленькая девочка пришла учиться, а сам гигант – отец с розовым крепким лицом и пшеничными усами. Директор суетился и норовил забежать вперед. Рассказывал историю здешних мест, доходя до Кондрата Булавина. Он был говорлив, как все историки. Завуч с пылающим лицом старалась, как могла, вставляла замечания, не мешая при этом директорскому красноречию. Военный слушал сдержанно. А чего переживать, если у него в петлицах крепко сидели алые командирские шпалы, а на гимнастерке отсвечивал багряным светом привинченный орден, точно такой же, как у Ворошилова.

Само собой узналось, что он совершил подвиг на границе, – задержал вооруженную самурайскую банду. Был ранен, а потом награжден.

Быстро стал большим командиром и приехал с Дальнего Востока сюда, чтобы командовать дивизией. В таком сказочном возвышении не было ничего удивительного, потому что вся жизнь вокруг была, по учительскому внушению, не обычной, а сказочной.

На день Красной Армии новенькая вместе с другими девочками танцевала и пела, хлопывая в ладошки:

«Ай, дин-ди, калинка моя,

В саду ягода-малинка моя...»

После праздника они добежали до парты вместе, и Костик обнаружил рядом с сумкой вкусно пахнувший пирожок. На одно мгновение новенькая скосила черный глаз в его сторону, словно ждала открытия. И он оделся жаром:

– Ты?!

Она рассмеялась и протянула руки:

– В какой руке ириска?

Он отгадал и выиграл.

Любовь, вспыхнувшая с необыкновенной силой, еще не называлась любовью. Но Костик ходил сам не свой. Имя Надя казалось ему удивительным. Фамилия Васильева вообще не встречалась никогда.

Они почти не разговаривали. Но однажды, набравшись храбрости, он подарил ей куколку размером с ладонь. Поначалу она не подала виду, но глаза ее засветились от радости. Он мог без ошибки сказать сам себе, что подарок пришелся ей по душе, потому что через несколько дней она принесла ему самый настоящий командирский ромб.

Конфеты и фантики он уже не считал и скоро привык глядеть так, словно соседство по парте сближало его с Наденькой и давало ему над ней какие-то неясные права. Но потом словно оборвалось.

На берегу, возле моста, появились девочки и среди них Надя.

Отыскав в кармане ромб, Костик зажал его в мокрой ладони. Однако это не принесло радости. Надя стояла далеко, но он видел тугие желтые косички и темные, будто нарисованные, брови. А главное, рядом с ней крутился рослый Борис Чалин, вскидывая с особым шиком сумку на ремне. Надя уронила варежку, и Костик целую вечность наблюдал, как Борька Чалин наклоняется, поднимает красный клочок, вручает Наденьке. И та смеется.

Утром, словно впервые, Костик заметил, что Борискины усики, легким пушком пробившиеся на верхней губе, делают его взрослее. А беспешачный взгляд показывает отвагу. Раньше Наденька ему, Костику, придумывала подарки, подвигала тетрадку для списывания. Неужто теперь все это Бориске?

Высокая волна ударилась о край моста. Колючие брызги долетели до ребят. Костик вместе с другими вынужден был отойти. Река совсем развоевалась. Наконец тронулся лед! Первые глыбы, ударившись о волнорез, разломились и прошли под мостом. На обнаженный, отвоеванный у снега берег все дальше выбрасывался леденый вал, оставляя на холодной земле пригоршни стелющихся льдистых кружев. Волны плескались у дорожного полотна, а между сваями моста бушевали так, что мокрые перила дрожали от напряжения.

До некоторых льдин можно было дотянуться рукой. Конечно, первым это сделал Борька Чалин. Одноглазый Чиж в азарте едва не свалился в воду. Братья Лыковы, вооружившись багром, сталкивали застрявшие льдины с волнореза.

Подражая смельчакам, Костик тоже наклонился, судорожно ухватившись за деревянные перила. Прямо на него катила высокая волна, пронизанная белыми столбиками крошившихся льдинок. Большие белые глыбы, как тяжелые полузатопленные корабли, плыли, покачиваясь, на середине разлившейся реки. Если бы она такой оставалась летом, по ней, наверное, могли ходить пароходы.

Чалин раздобыл где-то железный крюк и стал цеплять проплывавшие льдины. Ему всегда везло. Одна белая глыба врезалась в берег. Борька зацепил ее, потом передал крюк другим ребятам и велел держать. А сам прыгнул на льдину и принялся выплывать. Надя смотрела на него такими глазами, что Костику стало невмоготу. Но ступить на льдину он побоялся и стал отплывать к берегу.

И все же Борькины восторги держались недолго. Подоспевшая волна приподняла скользкий обмылок. И тот, качнувшись, поплыл дальше. Под общий крик Бориска рванулся к берегу с вытаращенными, как у кота, глазами. Но льдину развернуло быстрее, и Борька чуть не скатился в воду. Старший из братьев Лыковых, провалившись по колено, дотянулся багром и задержал льдину. Наконец Борька изловчился и прыгнул. Белая глыба качнулась под ногами, но выдержала, даже толкнула будто. И Борька, кубарем перевернувшись, очутился на берегу.

Расходились весело. Надя опять ушла с Борисом. За какие-то полдня их дружба укрепилась так, словно они готовились целый год. Костик ничего не мог понять. Что-то грозное и непоправимое чудилось ему в двух удалявшихся фигурках.

* * *

Как они отстали от других, оба не помнили. Мир вокруг сделался как бы туманным шаром, внутри которого отчетливо виделся низенький колодец. На краешек его, на бревнышко присела Надя. В колодце плавало кем-то брошенное ведро. Наденька с Борисом весело смеялись, глядя в него и на свои отражения в чистом квадратном зеркальце, неподвижно стоявшем в глубине.

Борис хотел спуститься по веревке и достать ведро. Наденька его отговаривала. Он повторял: «Я глубины не боюсь!» А Надя возражала, смеясь: «Не смей! Ты что?» – и даже толкнула его варежкой в плечо, чтобы удержать.

От этой внезапной близости он взглянул на нее прямо:

– Ты кого любишь?

Она распахнула ресницы от удивления, но ответила точно:

– Тебя.

– А я тебя! – сказал он очень серьезно и добавил горячо, торопливо, словно их могли услышать: – А как же Серый?

И она взглядом, плечами, поворотом головы изобразила, как взрослая женщина, что вопрос этот не требует внимания и ответа.

В туманном шаре исчез даже колодец. Они остались только вдвоем.

* * *

Вода в реке прибывала. Но после ухода Наденьки это стало неинтересно. Костик бесцельно глядел на волны, которые с одного края уже перехлестывали через мост. Из-за половодья занятия прекращались на несколько дней, школа находилась за железной дорогой. Костик хотел двинуть домой, но одна льдина с каким-то черным предметом привлекла внимание. Сперва почудилось, будто на ней лежит человек. Потом сундук. А вышла обыкновенная табуретка. Столкнувшись с мостом, льдина не обломилась, а поднялась, как тонущий корабль. И тихо скользнув, исчезла в зеленой пучине. За мостом вынырнула, но уже без табуретки.

Костик собрался уходить. Но вдруг увидел плывущую прямо на него водяную крысу и оторопел.

Глава 3

Молодая ондатра плыла среди льдин, переворачиваясь и стараясь зацепиться за берег. Она была ранена и ей никак не удавалось собрать остаток сил, чтобы вылезти из воды и отдохнуть на твердой земле.

Она уже не помнила, как началось утро, когда она заплывала на мелководье в поисках корма и на нее напали собаки. Обычно она легко уходила от любой погони. Но тут ей не хватило глубины. Они настигли ее, громадные псы, забрызганные грязью. И ей пришлось отбиваться. В последний момент, когда она прорвалась на глубину, один пес все-таки зацепил ее шкурку, и теперь она не могла одинаково хорошо работать всеми лапками. Ее сносило и она выбивалась из сил, теряя сознание от усталости и боли. Она уже не помнила, что плавала когда-то вольная и свободная. Ей казалось, что боль сопровождала ее с самого начала, что боль – это и есть сама жизнь. Преодолевая себя, она продолжала бороться с течением и старалась вырваться из середины струи, чтобы набегающие волны не волочили ее в бесконечную пугающую даль, куда стремилась река. Может быть, борьба эта не пропала даром, и последней мягкой волной ее вынесло на песчаную косу. Прикрыв лапкой кровоточащий бок, молодая ондатра перевернулась, чтобы отдалиться от края бурлившей воды, и долго лежала на мокрой пологой отмели, как убитая.

* * *

Выгнув шею от ужаса при виде дохлой крысы, Костик застыл, позабыв про холод и мокрые ноги. Он впервые видел не мышь в ловушке, а дикого зверя на воле. Долго не решался приблизиться. Постепенно оторопь прошла. Неподвижный зверек перестал внушать опасение. Костик отыскал длинную палку, чтобы столкнуть зверька обратно в реку. Но едва он прикоснулся сломанным острием, крыса вдруг ожила и поползла вверх по берегу.

Отступая в страхе и проваливаясь в талом снегу, Костик несколько раз ударил ее палкой. Других мыслей, кроме как убить, у него не было. Крыса стала искать спасения в бегстве. Но рыхлый мокрый снег мешал движению. Она провалилась почти до самой земли, когда сильный удар настиг ее. Потом посыпались еще и еще. Ее опять кинуло в беспамятство, от которого она едва отошла. Но исполинский враг чуялся ей даже во сне. Тогда, очнувшись, ондатра в последнем отчаянном усилии повернулась и поползла вперед, на врага, который занимал полнеба и казался страшен. Но ей уже нечего было терять.

Разрумянившийся, распоясанный Костик хлестал извивающегося маленького зверька с победительным чувством. Если бы кто-нибудь сказал ему, что он делает зло, он бы вспыхнул от гнева. Бросив изломанный прут, он выбрал другой, покрепче. Поднял с торжеством в раскрытых льдистых глазах. И вдруг победительное чувство исчезло, и страх сковал его движения. Ондатра раскрыла окровавленную пасть и повернулась к нему. Вместо того, чтобы уползти, она нападала и приближалась. От ужаса Костик упал и, поскуливая из-за накотившей паники, начал царапать снег, пытаясь подняться. Теперь, когда роли переменились и нельзя было безнаказанно убивать, пришло другое, жуткое явственное ощущение своей близкой гибели. Каждая минута страха дорого стоила. Кожа на голове заледенела, и волосы, точно на морозе, стали отделяться.

Когда крыса остановилась и прилегла, умерев, он провел рукой, убирая с глаз налипшую прядь. И между пальцами остался густой серый комок.

Через несколько лет, поглаживая раннюю лысину, он придумает морскую катастрофу, из-за которой волосы стали выпадать. Крысу, конечно, не назовет. А люди будут верить или не верить, поглядывая на жидкие пучки волос, зачесанные за уши.

Но это случится много позднее. Теперь же, ничего не соображая, он стоял, тупо уставясь перед собой. Время от времени вычесывал пальцами волосы и машинально брезгливо сбрасывал их на снег.

Опять стал слышен шум реки. Он поглядел на берег. Крыса лежала на боку неподвижно. Открытая маленькая пасть опять показалась ему страшной. Он не помнил, как выбрался на дорогу. Холод пробирал от мокрых ног до самой макушки. Один валенок хлюпал, галоша слетела с него в каком-то рыхлом сугробе. И Костик представил, как попадет теперь от матери. Но первым делом надо было согреться. Мысли, как и шаги, давались все труднее. Он пошарил в кармане, но ключа там не оказалось. Костик подумал, что может погибнуть, если не согреется, и паника липкой холодной змеей начала заползать в душу.

Увидев неожиданно впереди знакомую старуху с бульдогом, он уже не стал искать камень, а только молча ждал, когда злое парочка пройдет.

Но они остановились.

– Разве можно так промокать? – послышался скрипучий голос, полный печали и жалости. – Заболеешь... Беги домой!

Нагнув голову, чтобы не выдать полыхнувшей злости, Костик хотел метнуться в сторону или надерзнуть. Однако холодом закололо даже злость, и она, вяло махнув шипастым хвостом, уплыла куда-то в темь, в сторону. А впереди забрезжил свет неясной выгоды.

Придерживая шапку, он оглядел высокую старухину фигуру, узкие плечи, черный колпак на голове и ответил весело:

– А некуда мне идти!

Тогда что-то изменилось в склоненном к нему сухом морщинистом лице. Старая женщина пристально-страдательно поглядела на него, что-то высчитывая.

– Ну что же... Пойдем ко мне. Обсушимся, – произнесла она с некоторым колебанием и странным выражением, которого он не понял. – Вон мои хоромы. Рядом...

Костик заметил маленькую избушку на краю поселка. Передняя часть ее утонула в земле по самые окна, а задняя удержалась. Отчего крохотный домик с желтой крышей напоминал поросенка, который, подняв передние ножки, собрался ковырять рыльцем землю. Он представил свой дом. Не ахти, а все же... И презрительно глянул на старуху. Но выхода не было.

«Хоромы» состояли из одной маленькой комнаты с печкой в углу. Костик деловито разделся, взял рыжее байковое одеяло, показавшееся ему горячим, и закутался. Мокрые валенки вознеслись на печку, штаны повисли возле трубы под самым потолком. Пока одежда сохла, он получил несколько картошек, подрумяненных в печи. Без масла и хлеба. Про себя он подивился, что находятся люди, которые живут еще беднее, чем они с матерью. Но, к его удивлению, старуха как будто не стыдилась своей нищеты, а скорее наоборот, и двигалась горделиво, будто отдавала самое дорогое безо всякой жалости.

Бульдог тоже сожрал картошку и залоснился довольный, точно поймал в лесу изюбра и насытился на неделю вперед. Костик же едва утолил голод, и только напившись чаю, начал соображать. Он привык не думать о последствиях или причинах своих поступков. Однако новое приключение ему понравилось. Поэтому он с веселым видом долго рассказывал про свои несчастья и одиночество. Ему было неизвестно, что старуха вообразила, будто он ей напоминает сына. И у нее отлетают все мысли о государственном переустройстве и борьбе. Остывает жгучее желание найти прежних товарищей и начать все заново. Она просто сидела прямо и глядела строго, чтобы не выдать закипающих слез. А в таком состоянии складывался сам собой разговор об учебе и пользе знаний. Костик совсем скис. Легкий настрой разговора все время сбивался. Выручил невесть откуда взявшийся котенок. Разворошив груды тряпья на печи, он

уцепился за висевшие мокрые штаны и от неудобства шлепнулся на пол. Прошел по половине, как по улице, понюхал бульдожье ухо и прыгнул с табуретки на стол. Прежде, чем старуха его прогнала, Костик достал из кармана резинку с бумажным шариком и начал двигать перед собой. Глаза у котенка расширились от невероятной удачи. Он поднялся на лапках и, казалось, сделался легче пуха. Оставалось прыгнуть. Но из этого волшебного мира он был вышвырнут безжалостной рукой.

– Фу! – сказала старуха. – Нельзя на стол.

Костик взял смятый шарик и положил обратно в карман.

Старуха долгим изучающим взглядом смотрела на него, приспосабливаясь к новому уровню понимания и общения. Мысленно она исправляла ошибки президентов и королей, но говорить об этом с угловатым ограниченным подростком не имело смысла. При близком рассмотрении он меньше напоминал ей сына. И, конечно, ничего бы не понял в тех фантастических проектах государственного переустройства и критики большевистского режима, с которыми носилась она. Но свои размышления она как бы примеряла к его судьбе. Костик собрался было уходить, но был остановлен изумившим его вопросом:

– Дочка Васильева учится в вашей школе? – тихо спросила старуха.

– Да. А что? – обалдело уставился он.

– Я помню Васильева по двадцатому году, – загадочно промолвила старуха, уходя в себя.

Она бы могла сказать, как готовила восстание в Саратове. Но туда вошли красные эскадроны под водительством того самого Васильева. И планы социалистов-революционеров разрушились. А были верные люди. Главный боевик Зыкин стучал кулаком, настаивал на выступлении. Однако большинство решило ждать. Но повторной возможности уже не представилось. Выходит, прав был Зыкин, а не она.

Если бы тогда не Васильев...

– Молодой был, – произнесла она. – Красавец.

– Я в том году родился. А вы и тогда его знали?

– Знала... Я всех знала, – прозвучал непонятный ответ. – Сколько, ты думаешь, мне лет?

Костик пожал плечами.

– Откуда?..

– Тысяча! – услышал он и не поверил своим ушам.

– А?... – только и смог произнести, но еще быстрее подумал, что хозяйка избушки ведьма.

– Думаешь, так не бывает?

– Не-а...

– А у меня столько накопилось опыта, что хватит на тысячу лет. Вот поэтому гости в милицейской форме ко мне и заходят. Следят, чтобы поменьше читала, вовремя гуляла, соблюдала режим. А ты режим соблюдаешь?

– Соблюдаю, – проговорил Костик, наслаждаясь чужим сочувствием. – Если можно... А когда есть нечего, зачем его соблюдать?

Он давно понял, как надо жить. И часто любил прикинуться несчастным и жалким. Тогда как бы все само шло в руки – сочувствие, блага, вседозволенность.

И точно.

Старуха вынула из чугунка последние две картошки и положила перед ним. Он быстро съел и задумался. Покой снисходил в его душу легкими теплыми волнами. Спать было не на чем. Но и уходить не хотелось.

На подоконнике стояли цветы в плетеных горшках – пышные гloxинии, герань, фиалка. Мать тоже любила цветы и поливала старательно. Только у нее почему-то они не росли, а быстро увядали и никли. Она приносила новые, но и с теми повторялась та же история. А тут перед стеклами буйствовал целый сад.

За окном виднелись голые ветки уцелевших яблонь и новые бараки для строителей. Пока в них жили командирские семьи. Военный городок никак не могли достроить. По сравнению с бараками домик под желтой крышей казался совсем древним и, судя по разрытой кругом земле, доживал последние деньки. Раньше тут кругом были сады, но поселок разрастался и наступал. Фруктовые деревья выкорчевывали с такой поспешностью и беспощадностью, точно человек нашел другой способ, помимо природы, выращивать яблоки и наслаждаться их вкусом. Никто не пожалел, никто слова в их защиту не сказал.

Глядя на безобразные рытвины на месте старых садов, Костик повторял не свои мысли, а услышанные от других, взрослых. Но эти мысли давно казались ему собственными, и он снова подумал с негодованием про всеобщее молчание. Как будто защищать деревья и с ними всю уходящую красоту стало неловко и зазорно.

Глыбы разрытой земли показались странно знакомыми. Еще больше наклонившись, он увидел из окна вдали угол зеленого дома, в котором жила Надя Васильева. Комната ее была на первом этаже. Когда начиналась дружба, он подсмотрел однажды за ней в окно. Дождался темноты и, крадучись в кустах, приблизился к зеленому дому. Потом долго глядел в освещенное пространство комнаты, где Надя ходила, напевала что-то, вертела куклу и смеялась. Мать ее в синем цветастом халате, похожая на шамаханскую царицу, рассказывала, видно, что-то очень веселое и сама улыбалась, отчего лицо ее выглядело моложе и добрее.

Именно тогда он осознал нерешительность и робость, ничтожность своей роли в той далекой прекрасной жизни, понял, что мир устроен не для его блага и радости. Не голод, не побои, а именно созерцание далекой прекрасной жизни подвело его к этой мысли. И все равно, пока Бориска дорогу не перешел, ему чудилась какая-то фантастическая возможность приближения к тому загадочному миру, который являла собой Надя и ее семья.

Даже когда он перегнал ее в росте, Надя глядела на него свысока. Она стала единственной, неповторимой, и он с ужасом осознал, что никто не может сравниться с ней. А как хотелось забыть! Но он словно получил прививку против сентиментальности и добрых чувств к другим женщинам. Когда он, повзрослевший и сбросивший ученические вериги молоденький лейтенант, принялся разыскивать Надежду, все переменялось. Прежняя любовь загорелась вновь. И у Костика, Кости, Константина Михальцева появилась уверенность, что на этот раз он не будет отвергнут.

Однако поиски затянулись. Надиного отца перевели куда-то, и след его затерялся. Многие одноклассники разлетелись. Первым попался адрес Зины Клепы, и Костик помчался к ней на перекладных: поезд, извозчик, пять километров пешком. Зинка давно уехала из Горелой Рощи, но расстояния в то время не имели значения. Хотелось и Клепе показать себя, и уж выведать непременно важные сведения про Надежду.

Клепа жила в длинном дощатом бараке. Встретила его на пороге с пустым ведром, в рваненьком платице, побледневшая, похудевшая. Глянула непримиримо, как прежде, и он понял, что привета ему не будет. И все же, войдя и расположившись за столом, под шум закипающего самовара, он стал говорить о себе и своей жизни те слова, которые приготовил для Надежды. Его распирало желание доказать, что раньше его не ценили, а вот он достиг многого, оказался удачлив по сравнению с другими, которых хвалили и взращивали. Если бы он мог разговаривать с собой, он бы честно заявил, что доволен такой разницей в положении. Мало того, оно им заслужено благодаря уму, глубине душевного склада, расположению тех таинственных сил, которые определяют судьбу.

Он ей не сказал этого, но взглядом выразил ясно.

Комната у Клепы была маленькая, обшарпанная, неизвестно как ей доставшаяся. Поцарапанная клеенка на столе, блеклые занавески поперек единственного окна, узкая кровать с потертым байковым одеялом – не для двоих. И однако фотография карапуза с вытаращенными глазами говорила о том, что жизнь Клепы не прошла без крупных перемен. Несколько слов

хватило, чтобы выяснить: да, сын, да, ясли. Мужа, естественно, нет. И Клепу это, похоже, не заботило. Михальцев подумал, что она с рождения была задумана, как оторва, которая мчалась, не разбирая дорог и ни в чем себе не отказывая. Чужой опыт или совет для нее – тьфу и растереть. Она сама себе капитан и кормчий. Только корабль у нее без руля и ветрил.

На вопрос о муже Клепа так и ответила:

– На кой он мне?

А между тем к чаю ничего, кроме черняшки, да засушенных леденцов, не было. Нужда не только стучалась в дверь, а давно уже расположилась посреди комнаты.

О том, что может случиться в жизни женщины, Михальцев имел весьма смутное представление, несмотря на свой лейтенантский чин. Но уже приучился глядеть на людей, как на солдат, с выражением неистребимой правоты. От советов удержался, но мысленно сравнил Клепу с паровозом, который, сойдя с рельсов, будет рвать и кромсать шпалы до полной остановки. Ему показалось, что Клепа сама это чувствует.

В тесноте бедняцкого жилища он чувствовал себя огромным, неповоротливым, лишним. И все же долго пробыл, выпил целый самовар с остатками леденцов. И чем больше пил чая, тем больше успокаивался. А Клепа металась по комнате молча, садилась на кровать, вставала, бралась за веник, роняла. Он сперва подумал, что в ней разыгралась прежняя любовь. А потом понял, отчего: жалела хлеба и леденцов. Больше-то не было.

Про Надю Васильеву она ничего не знала, как, впрочем, он с самого начала допускал. Никакой пользы от Клепы ему не досталось.

Может быть, даже знала и нарочно не хотела говорить. В конце концов, ее метания окончились, она переломила себя и села напротив так же молча и прямо. Рваные плечики на платье зажала пальцами.

– Какие тебе еще сведения нужны?

– Да нет, ничего, – ответил он.

Немыслимая развалюха сотрясалась, продуваемая холодным осенним ветром. Так началась их молодость.

Эту молодость Костик не мог угледеть из окна старухиной избы. Но вдруг сделалось тихо. Необъяснимая тревога, волнение, неуверенность овладели им. Угол васильевского дома сделался черным.

Глава 4

Училище он окончил перед самой войной. И только что не летал на крыльях. Словно только ему судьба подарила лейтенантские кубари. После голодного детства, о котором не хотелось вспоминать, жизнь начала складываться так благополучно, что он удивлялся чуть не каждый день. Матери писать не успевал. Зато первый отпуск провел в Крыму, повидал Москву и получил хорошее назначение в округ – не какой-нибудь, а особый. Клепа, которую он разыскал, чтобы узнать про Надю, так и не поняла, какой он стал человек. Был из последних, а сделался первым. Конечно, в таких простых словах он не выражал своего восторга. Но это видно было по всему – взгляду, походке, выправке.

Сам себе он казался достаточно скрытным человеком и был откровенно уязвлен бесцеремонным вопросом бывшей соседки:

– Ну как? Все сохнешь по Надьке Васильевой? Никак не забудешь?

У него занялся дух от этой бесцеремонности, сил не хватило ответить. Только пожал плечами.

– Ну почему?..

И все же нужные сведения по крупницам собирались. Как и следовало, Надя вышла замуж за Бориса Чалина. В старших классах они дышать друг без друга не могли.

В институт поступили вместе. Теперь куда-то на восток укатили. Практиковаться. Поговаривали, что знаменитый тесть не слишком жалуется безвестного зятя. Конечно, ему для доченьки ненаглядной заморского принца подавай. Кыш, все местные! Ну да сама Надежда тоже крепкий характер имеет. И сможет постоять за того, кто ей люб.

С прохладцей и злобой, поигрывая желваками, Костик спускался по ступеням городского парка, где позволял себе выпить ледяного пива. Гибким прутиком нервно бил по голенищу. Он бы, наверное, не мог сказать самому себе, какие сведения его больше разозлили. И тут же странным образом успокоили. Во всяком случае, память о Надежде он решил вычеркнуть из жизни. Но напоследок вновь и вновь возвращался мыслями к единственной женщине, которая его не оценила. Ладно, не он один. Еще и Борису придется хлебнуть с ней лиха. Не исключено.

Придя к такой обнадеживающей мысли, он с легкостью сломал прутик и запустил им в пробегавшего мимо бездомного пса.

Глава 5

Поезд мчал среди холмов, поросших лесом, освещенных утренним солнцем. Борис представил, что где-то в мелькающих чащах медведи выходят из берлог, разминают затекшие лапы. Один завораживающий таинственный вид сменялся другим. Но любованию это быстро наскучило, потому что не имело отношения к реалиям их жизни и неустройству. Даже Надя притомилась и лежала на верхней полке, несмотря на духоту. Последние несколько часов она спала или делала вид, что спит. Они почти не разговаривали. Борис то и дело выходил в тамбур покурить. И, стоя между двумя раскрытыми дверями, пытался представить конечную цель пути.

Куда они ехали, знала только Надя. По окончании курса им предстояла практика, и Надя захотела провести ее в деревне у тетки. Договорилась обо всем в деканате, умолчав о родственнице. У нее была хватка, как у папашки. И Борису оставалось только подчиниться. Во всяком случае, любое путешествие было лучше, чем житье в роскошной квартире у тестя.

Отец Нади получил наконец генерала, стал вальяжнее и мягче. Но Бориса почему-то невзлюбил. И жизнь в чужом благополучном доме сделалась для него сущей каторгой. Впрочем, не всегда он это ощущал. Чистый, бьющий родник – Надя – охлаждал накаленную обстановку. При дочери генерал становился покладист и тих. Временами примирительно речист. Иногда долдонил молодоженам о необходимости образования. Наде ничего не советовал, потому что сделать ее военной было невозможно. Зато зятя он хотел непременно послать в военное училище и хотя бы на какое-то время избавиться от него.

Борис тайком бегал в аэроклуб, но в разговорах с именитым тестем отмалчивался. Пуще всего не терпел над собой никакой чужой воли. В этом отношении тесть его доконал. И все-таки напускное равнодушие Бориса не спасло: вскоре аэроклуб перевели в другое место, и будущие летчики остались ни с чем. Потом, когда Надежда, по примеру деда, захотела стать агрохимиком и поехала сдавать экзамены в Тимирязевку, Борис последовал за ней. Почудилась ему новая жизнь, воля, степи, кони.

Ошибка обнаружилась быстро. Он любил точные науки, преуспевал в математике, физике. А ему встретился чуждый мир приблизительных знаний, условных ценностей. Многое надо было не понимать, а заучивать. Допотопные машины вызывали, по сравнению с самолетами, чувство неловкости и стыда, а доценты и профессора выдавали их за чудо техники.

Однако по природе своей он не способен был к легким переменам. Инерция прежнего решения и новые друзья помешали ему сразу отступить. Вместе с Надей он сдал экзамены, оба получили место в общежитии, семейную клетушку, разделенную матерчатым пологом.

Теперь и то время осталось позади.

Поезд начал тормозить. Потянулись грязные разводья рельсов на безымянном полустанке. Борис быстро прошел в вагон. Надя уже сидела внизу на скамеечке, причесанная, собранная.

– Наша? – спросил Борис.

Она кивнула.

Вышли в никуда, в мокрель и сырость. Возле будки обходчика понуро стояла лошадь, запряженная в телегу, и дремал возница.

– Куда нам? – спросил Борис, обернувшись к Наде.

– Синево! – беспечно отозвалась она.

Вышло, что возница едет как раз в ту деревню. Брезентовый пакет с полученной от провизника почтой лежал в его ногах. О цене сговорились быстро: возница ничего не взял.

Борис кинул чемодан в солому, они с Надеждой сели на телегу рядом с колесом, которое то крутилось, то притормаживало. Возница – бодрый улыбчивый мужичонка с прокуренными зубами, махнул вожжами, и лошадь тронулась.

По обе стороны дороги тянулось поле. Дальше стоял лес. Яркая солнечная зелень распустившихся берез мешалась с темным цветом вечнозеленых елей. Дорога выглядела пустынной, словно никакого движения в этом медвежьем углу отродясь не бывало. Однако благостная тишина длилась недолго. Перед лесом, где угадывалась река, прогремели взрывы.

– Завод строят! – пояснил, обернувшись, возница и опять весело улыбнулся, словно в строительстве завода была его заслуга.

Потом над ними долго кружил невесть откуда взявшийся самолет. Подняв голову, Борис наблюдал, как он разворачивается, покачивая крыльями. Надежда быстро взглянула на мужа, стараясь, чтобы он не заметил ее понимания и сочувствия.

Впереди на холме показалась деревенька, когда медленную повозку нагнал верховой. Возница сломал шапку и кое-как изобразил поклон. Всадник глянул острым ястребиным взглядом на него, потом на спутников.

– Тебя совесть не мучит, Алексан Палыч?

– А в чем?

– Да вот, лошадь загубишь. Что же такую телегу взял? Колесо тормозит.

Возница развел руками с шутливой покорностью:

– По срочному делу вышло, а другой экипажи не было. Но колесо крутилось сперва, а тут действительно, хоть с возу слезай, утопнешь, нечего делать!

Всадник сдержал улыбку.

– Откуда ползешь?

Возница сокрушенно махнул рукой:

– Из района. В больницу жену отвозил.

– Это в который же раз?

– Ай, сбился сам! Ноне пересчитаю. Об одном молимся: может, на этот раз будет дочка.

Всадник все же не справился с улыбкой.

– Ну, ну!

Потом тронул поводья и, разбрасывая конем тяжкую слежавшуюся глину, помчался по дороге.

Палыч привстал на коленях, во всю мочь замахал кнутом над головой и потащился вперед, оглядываясь на сломанное колесо.

Глава 6

Тетка, Людмила Павловна, поразила Бориса яркой, броской, какой-то восточной красотой – так много было блеска в волосах, загара и сияния больших, словно распахнутых глаз. Надя могла с ней сравниться только потому, что была молода, и это давало ей преимущество.

Приняла тетка молодоженов радушно и в то же время настороженно, будто заранее согласилась тащить непосильную ношу и, не торопясь, примеривалась, как бы получше взяться. Загар на руках и лице у нее был какой-то не рабочий, темный, а курортный, мягкий, шелковистый. Она и работала врачом в сердечном санатории, который открылся недавно и все еще строился под горушкой, недалеко от Синева. Там тетке полагалась комната. Но она предпочла в Синеве полдома, который оплачивал райздрав. Тетка предложила племяннице жить в санатории. Но Надя осмотрела темные сырые стены с потеками, унылый вид на замусоренный хозяйский двор и предпочла деревню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.